

ПОЛЬСКАЯ ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В 1860-Х ГОДАХ
POLISH PROPAGANDA PUBLICISTICS
ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE 1860S

Аннотация. В статье рассматривается содержание белорусскоязычных публикаций, распространявшихся польскими повстанцами среди крестьян-белорусов накануне и в ходе восстания 1863-1864 гг.

Ключевые слова: польская пропаганда, «Мужицкая правда», восстание 1863-1864 гг.

Abstract. The article examines the content of Belarusian-language publications distributed by Polish rebels among Belarusian peasants on the eve of and during the uprising of 1863-1864.

Keywords: Polish propaganda, “Му́жыцкая прада”, uprising of 1863-1864.

Польское восстание 1863–1864 гг. является одним из наиболее мифологизированных событий белорусской истории. Составленная в 1990-х годах националистическая концепция истории наряду с другими историческими мифами, призванными «удлинить» историю Белоруссии и создать её историческую субъектность, сконструировала представление о событиях польского восстания на территории современной Белоруссии как об отдельном «белорусском восстании под руководством К. Калиновского с целью обретения независимости Белоруссии». Одним из базисов, положенных в основу этого представления, стал факт выпуска польскими повстанцами серии листовок, объединённых названием «Мужицкая правда», на белорусском диалекте, в которых поляки обращаются к местному населению с целью привлечь его на свою сторону. Несмотря на то, что в этих листовках отсутствует упоминание о каких-либо, помимо Польши, государственных образованиях, независимость которых была бы целью восстания, и вообще отсутствует этноним «белорусы», тем не менее, лишь сам факт использования в них белорусского диалекта трактуется как доказательство «белорусского национального» характера восстания.

Между тем, «Мужицкая правда» являлась не уникальным явлением такого рода, наряду с ней польскими повстанцами издавались и другие аналогичные по содержанию пропагандистские произведения на белорусском диалекте, адресованные белорусским крестьянам, существование которых обычно игнорируется националистической историографией, так как их содержание прямо противоречит утверждениям о «стремлении повстанцев к независимости Белоруссии». Наоборот, характерной чертой их всех является гипертрофированная идеализация польского прошлого и счастливого будущего в составе единой Польши в случае победы восстания.

Обзор некоторых из подобных произведений приводит В. Игнатовский [2], обращая внимание, что таких произведений, аналогичных по содержанию, было множество. Так, в «Беседе старого деда», как и в «Мужицкой правде», утверждается, что историческая причина польско-русских конфликтов в том, что Польша всегда стремилась дать свободу белорусскому мужику:

Текст по В. Игнатовскому [2]

*Ой, не, – браткі ня тужыце,
На ту пару ўспамяніце,
Як прад даўнымі гадамі
Біўся паляк з маскалямі.
За што-ж яны ваявалі?
Столькі крыві разьлівалі?
Ой, за тое, што народу
Паляк хацеў даць свабоду.*

«Москали», разумеется, этому коварно препятствовали и препятствуют, и единственный вариант счастливого будущего у белорусов – стать поляками и возродить польское государство:

*Крыкнем усе у адны словы,
Няхай Польша будзе знова,
Бо як станем палякамі,
Будзем роўныя з панамі*

Перевод на русский язык автора

*Ой, нет, – братцы, не тужите,
Вспомните ту пору,
Когда много лет назад
Бился поляк с москалями.
За что ж они воевали?
Столько крови проливали?
Ой, за то, что народу
Поляк хотел дать свободу.*

*Крикнем все, как один,
Пусть Польша будет снова,
Поскольку как станем поляками,
Будем равными с панями.*

Другое произведение – «Предсмертный разговор отшельника Петра» – также начинается с того, что «Отшельник Пётр» рассказывает «краткую историю Польши, рисуя розовой краской прошлое Речи Посполитой. Паны и короли, согласно его рассказу, думают только об улучшении участи белорусского мужика. О крепостном праве не сказано ни слова, паничины как не бывало. Белорусские мужики в Царстве Польском чувствуют себя хорошо: они состоятельные хозяева, а дом у них полная чаша. Они любят и уважают своих панов, с радостью работают у них, потому что видят от них благосклонность» [2]. Далее, после разделов Польши, для белорусского мужика настали чёрные времена, полные лишений и страданий. Вернуться же к благоденствию можно только в составе возрождённой независимой Польши, поэтому «отшельник обращается к белорусу и зовет его подняться на помощь полякам. Только поляки, любящие белорусов, дадут ему свободную и счастливую жизнь в Польше, независимой от России» [2].

Сходство с «Мужицкой правдой» здесь бросается в глаза – та же самая целевая аудитория и язык, такая же структура повествования и содержание: 1) описание прекрасной жизни белорусского мужика при независимой Польше, которая всегда стремилась дать мужику свободу, из-за чего вступала в конфликты с «москалями»; 2) описание в максимально чёрных красках существующего положения белорусских крестьян; 3) призыв поддержать польское восстание и возрождение Польши как единственный путь вернуться к счастливой жизни.

М.И. Горецкий также приводит примеры пропагандистской публицистики польских повстанцев, использующих белорусский язык лишь для «зацепления струн белорусской души», в том числе «Кривда и правда», написанная в 1863 г. «очень плохим стихом». «Автор наивно искушает белорусского мужика тем, что раньше, при поляках, “и пан-бог давал урожай”: пшевица была как лес! А теперь наоборот: “При проклятом москале счастья нет ни в чём”. Социальные взгляды высказаны так: “Ай-да шляхта-молодцы! Паны были как отцы!”» [1].

В силу вышеизложенного все эти белорусскоязычные публикации польских повстанцев методологически корректно рассматривать и анализировать совместно, как единый корпус произведений, созданный с целью лишь политической пропаганды среди белорусских крестьян для привлечения их к участию в восстании. Его содержание отражает не реальные взгляды его авторов, а те тезисы, которые, по их мнению, будут благосклонно восприняты белорусской крестьянской аудиторией, то есть то, что она хочет услышать. Искусственное выделение из этого корпуса лишь одной «Мужицкой правды» оправдано лишь в целях подведения доказательной базы под заранее сформулированные выводы о «белорусском характере» восстания.

Характеризуя содержание «Мужицкой правды», белорусский историк В. Черепица пишет, что «всё это типичные прокламации. Тексты сочинялись по-польски, затем переводились на местный белорусский говор с массой полонизмов. (...) Текст этих изданий крайне однообразен и основан на примитивной идеализации истории Речи Посполитой, изображенной земным раем. Успеха “Мужыцкая праўда” не имела и в целом была встречена крестьянами враждебно, считавшими, что это происки польских панов» (цит. по [3]).

В отличие от публицистических произведений, документы повстанцев, написанные на белорусском диалекте и обращённые к населению Белоруссии, имеют совершенно другое наполнение. Примером может служить «Приказ правительства польского над всем краем литовским и белорусским к народу земли Литовской и Белорусской», изданный в Вильно в июне 1863 г., содержит многочисленные угрозы расправой белорусам, поскольку они поддержали российское правительство: «Мужик будет нехороший – и мужика повесим, а усадьбы их и сёла обратятся в дым... Польское правительство спрашивает вас, по какому вы праву смели помогать москалю в нечистом деле?... Кто хочет неволи московской – тому мы дадим виселицу на суку... Если поймаю кого в карауле или в милиции, то раньше или позже без лишних слов повесят... Кто этому приказу сопротивляться будет... – сообщать польскому правительству, чтоб можно было его потом повесить». В этом же воззвании о его адресатах – белорусах говорится: «Вы сегодня глупые, как овцы... Над вами нет ещё милосердия божьего, потому что вы отступились от его истинной веры».

В других документах на белорусском диалекте также содержатся угрозы в адрес белорусов и указание на восстановление единой Польши, как единственную цель восстания: «Кто будет с правительством Польским, тот получит землю на веки вечные и, если захочет, вернется к своей древней Униатской вере, а кто против правительства Польского, тому огонь и виселица» (Приказ правительственного комиссара в Гродненском воеводстве); «Польша поднялась за вашу и свою свободу. Правительство польское этим объявляет всем повсеместно, что со дня объявления этого манифеста все равны, все сыновья одной Польши, Отчизны нашей» (манифест «Польское национальное правительство»).

В отличие от публицистических пропагандистских текстов, эти документы носят официальный характер и отражают реальное отношение руководителей восстания к белорусам.

Следует также отметить, что на белорусском языке публиковали тексты не только польские повстанцы, но и другие издатели. Так, в Вильно в начале 1863 г. были изданы «Рассказы на белорусском наречии». Их автор, оставшийся неизвестным, подчёркивал, что русские и белорусы являются частями единого народа, что белорусов католической веры нельзя автоматически причислять к полякам, описывал историю края, акцентируя внимание на террор против православных белорусов в Польше во время насаждения униатства.

В отличие от «Мужицкой правды», в которой термин «белорусы» вообще не употреблялся ни в отношении повествователя, ни в отношении читателей, в «Рассказах...» прямо указывалось на то, что местное население региона является не поляками, а белорусами, призывало сохранять белорусскую идентичность,

белорусами называли себя и герои «Рассказов...». Несмотря на это, белорусская националистическая публицистика игнорирует существование «Рассказов...», так как в их содержании нет антироссийской направленности. Они упоминаются лишь в небольшом количестве узкоспециализированных монографий и статей, тогда как в остальных, а также в публикациях для широкой аудитории (например, учебниках) продолжают использоваться сформулированные ещё в 1990-х годах стандартные штампы об уникальности «Мужицкой правды», раздувающие её значение для белорусской культуры, самосознания и государственности до гротескных размеров, не утруждая себя аргументами, подтверждающими данные тезисы, например, авторы одного из учебников пишут, что «*„Мужицкая правда“ очень сильно повлияла на становление белорусского литературного языка, показав его красоту и силу*» [49], не приводя, впрочем, никаких пояснений, в чём конкретно это влияние выразилось.

Таким образом, польская белорусскоязычная пропагандистская публицистика 1880-х гг. рассматривала белорусов как неотъемлемую часть польского общества в будущем едином польском государстве и не декларировала наличие у них каких-либо особых национальных прав.

Литература

1. Гарэцкі М. Гісторыя беларускае літэратуры. – Вільня: Друкарня кооп. таварыства «Друк», 1920. – 208 с.
2. Ігнатоўскі У. Кароткі нарыс нацыянальна-культурнага адраджэння Беларусі. – Менск: Дзяржвыд Беларусі, 1921. – 80 с.
3. Матвейчик Д.Ч. Современная белорусская историография восстания 1863–1864 гг. на территории Беларуси (Общий обзор и основные проблемы развития) // Ист. вестник. – Т. 33. – 2020. – С. 236–279.